

Игорь Шестков "О, Джонни"

Практика... Полтора месяца в дружной компании кретинов! Одни оглоеды и чуркодавы на курсе. Понабрали в геологи лосей...

С теодолитом по лесам таскаться! Как почтальон Печкин. Пыль, грязь...

Палатки на восьмерых. Комары-мухи. И на десерт – скоты эти – Гуси и Лебеди.

Жратва как в Хиросиме. Если бы не милая Би-Би и не дикий Гоша с его приколами, давно бы слинял. Или закосил бы... Врачихе нашей факультетской, Рябине Моисеевне макарон бы на уши навешал. С раками. Так и так, мол – сердечник. Стенокардия... Приступы терзают. Не хочу помирать в молодые годы! Хоть бы тачку какую изобрели! Я вам не араукан, на горбу треноги таскать. Каменный век...

Последний прикол: Гоша насвистел нашему повару, Миняю, что с закрытыми глазами найдет и съест все шестьдесят сосисок, отпущенных на обед отряда.

Миняй в людях не разбирается – не поверил. Заключили пари. Миняй поставил на кон две поллитры и пять банок вареной сгущенки. Гоша, как всегда, ножик свой перочинный. Немецкий. Похожий на рысь в прыжке. Хороший режим. С ножницами, щипчиками, отвертками, пилой и зубочисткой из слоновой кости. Советский ширпотреб такие делать не умеет.

Миняй уже облизывался на ножик, как кот на вареную курицу. Условия пари выполнил. Сосиски сварил и выложил на подносе, вроде как патроны – одна к одной и в кружок. А в середине банку горчицы поставил, эстет херов, открытую. И все это хозяйство у самых нужников на валун положил, на тот, который на жопу слоновью похож и лежит здесь наверно с четвертичного периода.

А Гоше глаза завязали, покрутили и в лес увели. В другую сторону, от слоновьей жопы подальше. Отпустили – за оврагом. Оттуда до лагеря минут десять топать.

Первые минуты он плутал, об березу лбом треснулся. Ничего не случилось. С березой. Она даже не сломалась, хотя и треснула. А Гоша прислушался, ноздри раздул как паруса, крякнул, воздуха втянул – на дирижабль бы хватило...

Дальше, не знаю, или он музыку из лагеря услышал, крутил тогда радист тридцать раз в день у себя в радиорубке «Back in the U.S.S.R» или и вправду

сосиски учуял и верное направление взял. Попер через лес как боевая машина пехоты... Овраг форсировал как Суворов Альпы. Ручеек вброд перешел. Не зря Гоша говорил: «Я микояновские сосиски с горчицей и за сто километров унюхаю... И с завязанными глазами жрать приду... Без биноклей и теодолитов... Тут вам, ханурики, воля к жизни, а не геодезия и картография...»

За ним в лесу просека осталась. Ограду протаранил, ковбойку порвал, на лагерную аллею вышел весь в репейнике и крапиве, страшный как динозавр, наткнулся на гипсовую статую пионера с горном, матюгнулся, пропер до нужников, прошел, злодей, как по компасу, прямо к четвертичному периоду, опустил морду как конь, заржал, щеками небритыми сосиски потрогал, языком своим оленьим горчицу прихватил и начал есть... Как и условились – без рук, по-волчьи. Жрал, жрал, жевал, жевал. Мы боялись, после сорока штук сблюет, лопнет или околет, а он за пять минут все шестьдесят срубал. И горчицу выел как моль.

Повязку ему сняли, руки развязали, он зарычал и тут же у Миняя водку и сгущенку потребовал. Сгущенку – дамам подарил, как джентльмен. Одну бутылку водки в карман засунул, другую откупорил своим чудо-ножиком и высосал всю тут же из горлышка. Потом рыгнул и спать ушел, а замеры за него в тот день другие делали. А дураку Миняю пришлось в обед перловку с мясными консервами варганить. Кушанье в миняевском приготовлении непотребное.

Играли в пинг-понг. Я разыгрался как Летучий голландец, гасил и резал как мастер. Выиграл семь партий подряд. И ушел непобежденным, уступил ракетку Жу-Жу. Би-Би подошла ко мне, посмотрела кокетливо и сказала: «Класс! Вы, Джонни, хоть и маленького роста, но темпераментный... И интересный. Когда гасите – как будто шпагой делаете выпад. На Олега Даля похожи. Вам надо побольше себе доверять и поменьше Гусева и Лебедева слушать...»

Би-Би не права. Не слушаю я их, они сами ко мне липнут.

Небось, влюблена в этого Даля. С полгода назад видел его живьем. Сподобился.

В сто восьмом на Ленинском. Глаза – злые, лицо – пергаментное какое-то.

Вылитый Печорин. Посмотрел я на него, улыбнулся приветливо и

интеллигентно, а он на меня мрачно глянул и спесью как кипятком обварил.

Потом брезгливую мину скорчил, вздохнул и отвернулся. Как будто он и впрямь – Печорин, а я вроде как Грушницкий.

Ответил Би-Би: «Я Гусей-Лебедей не слушаю, чего их слушать, они пернатые... Как механические пианино, имеют в запасе только одну мелодию».

Би-Би удивилась моим словам. Здорово это я про механическое пианино придумал, не к месту, но убедительно...

Дождь сегодня с утра зарядил. А за мной в обед черная папашина волга приехала. Фролу отец загодя позвонил, извинился, попросил отпустить. Фрол растаял и разрешил. Ездили к закройщику, на примерку. В ателье у метро Пролетарская... До универа ехать часа полтора, потом еще через весь город переть... Шьет там один жук отцу и мне замшевые куртки. Отцу из импортной, бархатной хрюшки. А мне из нашей грубой советской свиньи. Приталенные, модные. Королевская одежда! А Гоша говорит – это только для конюшни хорошо, когда замша...

Назад меня привезли уже после отбоя. В нашей палатке никто не спал. И девушки сидели. Чай распивали. Сгущенку гошину на белый хлеб мазали. Раскина на гитаре брэнчала. Свою любимую. Этот город называется Москва... трата-та трата-та ... а она стоит как девочка чиста... Поганая песня...

Видел по глазам – все мне завидовали. А я, ничего, сделал вид, что мне все равно. Как Печорин. Приятно, когда завидуют.

Би-Би не выдержала, спросила, куда это меня на черной волге возили. Я и расписал... Загнул, что к послу американскому папашу с семей приглашали... Насвистел, что лакеи там в крокодиловых шапках и бегемотовых штанах, а приборы за столами – платиновые... Поверила. У нас всему верят. У Жу-Жу и Раскиной глазки сверкали... Все меня подробности выспрашивали, только Гусев и Лебедев молчали и перемигивались. Скалились как псы и желваками играли. Что-то они мне готовят.

Утром, на линейке, получил я их подарочек.

Стояли мы все на этой идиотской аллее пионеров-героев. Перед нами – трибуна, на ней Фрол, замполит наш, Гниломедов, по прозвищу Ганимед, толстенький

такой свин, и еще кто-то. За трибуной – Ленина портретище, метра три на четыре, ну этот, который в светлом пиджаке, и таком же галстук. Откуда на него ни глянь – он тебе в глаза смотрит. Язвительно так. Как будто сказать хочет: «Ну что же вы, товарищ Пичухин...»

Ганимед нам про пионеров-героев рассказывал. Гуфту гнал жуткую, как и положено. Пораспинался и с трибуны сошел. С флагом этим мудацким. Когда мимо нас проходил, важный как индюк, толкнули меня Гуси-Лебеди в спину. Да так ловко, что я прямо на знамя и брякнулся. И вместе со знаменем в лужу бултыхнулся. И Ганимеда грязью обдал. И сам испачкался жутко и знамя запачкал. Когда поднимался, заметил, что и Жу-Жу и Раскина и даже Би-Би хихикали противненько. А что тут смешного? Толкнули они меня, понимаете, толкнули! А за завтраком Лебедев разговор о блате начал.

Сказал: «Некоторые блатные по посольствам разъезжают, когда мы тут в палатках киснем, думают, наверное, что весь мир к их ножкам положен, а мы им докажем, что это не так. Что есть справедливость. Скоро докажем».

А Гусев добавил: «Таким надо могилки стекловатой выкладывать».

Что же они еще придумали, скоты? В грязи меня уже искупали. Буду настороже. Тупые они, как все рабфаковцы, но злые. Лебедев – из Иванова родом. Вроде даже женат. Жена у него, говорят, в зоне «Б», в рыгаловке тарелки моет. Гусев – из Краматорска. Темный человек. Оба без жилья, общежитские. Понятно, за что они меня ненавидит. Москвич, квартира на Кутузовском, шмотки, волга, снабжение...

К ненависти населения мне не привыкать. Помню, отдыхал я в мидовском Доме отдыха. Было мне тогда 15 лет и был я влюблен в чудесную девушку, студентку первого курса истфака. Забыл, как звали. Из-за того, что она была меня старше и умнее – стеснялся я страшно всего. Боялся осрамиться.

Нашли мы в старом парке скамеечку заброшенную. Со всех сторон – густые кусты. Пришли туда в сумерки. Сели рядышком, беседуем... И друг другу в глаза посматриваем.

Обнял я ее, притянул к себе и осторожно поцеловал в губы. Она закрыла глаза. Казалось мне – земля под нами превратилась в ночное море, а небо – во

влажную раковину, поблескивающую разноцветными перламутрами...

Тут из густых кустов донесся странный звук. Как будто пёрнул кто-то. Потом еще раз, погромче. Я окаменел. У моей девушки от ужаса волосы дыбом встали. Тишина. Подумал – мало ли чего в ночью парке не услышишь, может ветка хрустнула или щегол какой икнул... Успокоились, опять целоваться начали... Опять море, перламутры...

И тут вдруг – кто-то снова нагло и громко пёрнул. А другие стали мочиться, чуть не нас... Можно было даже разглядеть янтарные струи... Кто-то сел опорожняться... Жопа белела на фоне темных кустов... И не одна... Со всех сторон... Струи, жопы, пердёж. Хохот и визг...

Я растерялся. Подружка моя покраснела, побелела, вся сжалась, бедненькая... Через пять минут все стихло. Мы ушли из парка, а через три дня разъехались. Но еще до моего отъезда знакомый деревенский парнишка рассказал мне, что это были не черти рогатые, а местные ребята. Хотели «поднасрать сынку дипломата».

На замеры пошли. Мне выпало ящик с теодолитом тащить. Жара была! Парняк, как в Камеруне. Тени нет. Ни одна веточка не дрогнет. Даже сверчки замолкли – стрекотать устали, поганцы. Я майку снял. Ко мне Лебедев подошел и так незаметно меня за грудь ущипнул. Шепнул в ухо: «Пойдем, Джонни, в лесок, а...»

Я его потную ручищу от себя отбросил. Проговорил автоматически: «Отстань!» Лебедев ухмыльнулся грязно. Надо было ударить его! Ну, не могу же я драку на съемке начинать! Никто его руку не видел, он специально так повернулся, гад, ко всем задом... И Гусев его подстраховал. Подумали бы, что я психованный. Из универа бы отчислили.

Разрешил нам Фрол полчаса отдохнуть. Разложили ветровки под дубом, залегли в теньке на травке и заснули. Лебедев пытался голову свою нечесаную Би-Би на живот положить – она, молодец, не дала, и что-то резкое ему сказала. Он отлез. Мне кошмар приснился.

Все вокруг так, как будто я не сплю. Дуб, поле, теодолит, нивелир. Местность та

же и жара. Никого нет, один я работаю. Определю величину превышения. Кольшками рейку закреплю и к нивелиру бегу. Начинаю замерять, и вижу в трубу как рейка падает. Потому что ее Лебедев толкнул. Толкнул – и исчез. Опять к рейке бегу, креплю и назад, к нивелиру. И опять, появляется Лебедев, толкает рейку и исчезает. Падает проклятая рейка. Смотрю в трубу, а вижу не местность, а картинку, как в калейдоскопе детском. А вместо цветных стекол там – ухмыляющиеся рожи. Кого? Глупо спрашивать – Гусей-Лебедей...

И вот уже я в Москве, на ярмарке у Лужников. Лет шесть мне всего, отец меня за руку ведет. Я прошу: «Па, купи мне волшебную трубку со стеклышками!»

А он отвечает: «Некогда покупать, на стадион не успеем, сам видишь, птицы уже прилетели, пора и нам места занимать». И тащит меня через ярмарку. Прямо к стадиону. И вот, мы уже на трибуне сидим. Внизу – поле, а над ним – птицы летают. Туда-сюда мелькают. Много-много птиц.

Отец говорит: «Смотри, смотри, сейчас большая кормежка будет, а потом Спартак и Локомотив в полуфинале встретятся».

И вот, вывозят рабочие какие-то на поле громадный железный ящик. С пять автобусов. Открывают его. А там трупы лежат в навал. Птицы корм увидели и на трупы надели. Давай клевать. Вся стая села. А рабочие ящик захлопнули.

Страшно заревел стадион. Потряс небеса громом рукоплесканий. Ящик утащили, а на поле вместо футболистов Спартак выбежал... Ну тот, из фильма, с мечом. А потом и Локомотив появился, только не команда, а настоящий, железнодорожный, с мордой как у кузнечика. Жуткий такой. Язык высунул длинный, медный. И давай на Спартака наступать. А Спартак его по языку – мечом. Стадион орет: «Шайбу! Шайбу!»

На поле выкатывается здоровенная черная шайба. У нее два зеленых глаза и страшная зубастая пасть... Шайба растет, растет, не видно уже ни Спартака, ни Локомотива, ни стадиона, только глаза ее зеленые смотрят на меня сверху, с неба.

Проснулся я, а надо мной Лебедев склонился, рожу свою прыщавую кривит, ухмыляется. Говорит тихо: «Пойдем, Джонни, в лесок, подергаемся...»

Я отпрянул от него и сказал громко: «До чего же у тебя харя жуткая, Лебедев,

сними противогаз!»

Но никто почему-то не рассмеялся. Би-Би посмотрела на меня с тревогой. А Лебедев ничего мне не ответил, только усмехнулся, глаза прищурил и желваками заиграл.

Пришли в лагерь, а палатки нашей нет. Койки стоят, на них палатка грязная валяется. Нам рассказали – Гоша очередное пари выиграл и опять у Миняя. Поспорил, жмот, что несущий столб у палатки перегрызет. С завязанными руками и ногами, лежа. Его связали и у столба положили. Думали, подухарится и остынет. Ушли. Через час пришли – палатки нет, а под брезентом Гоша ворочается и Миняева зовет. Перегрыз, злодей, столб как бобер! Миняй даже испугался – с Гоши-то какой спрос... Гоша человек известный... Пришлось Миняю Гоше еще одну бутылку ставить и просить его дерево срубить подходящее...

К вечеру палатка стояла, а Гоша с Миняем скорешились, перепились и купаться на водохранилище пошли. В час ночи будит всех Миняй. Кричит как иволга: «Помогите, спасите, Гоша в водохранилище потерялся, может и утон!» Оказывается, они лодку отрядовскую увели. На цепи которая. А цепь – на замке. Сколько раз просил Фрола дать ключ, с Би-Би по водохранилищу покататься. Ни разу не дал. Запрещено студентам, инструкция! У нас все запрещено! Замок Гоша камнем сбил. Сели в лодку и уплыли.

Плыли-плыли и вдруг Гоша потерялся... Трех студентов покрепче послал Фрол его искать. Плавали они полночи на лодке, искали Гошу среди сухих деревьев. Тут их много из воды торчит. Говорят, где-то и церковь под водой видно, с крестом. Затопили все к черту, вместе с деревьями.

Утром Гоша объявился. На милицейской машине. И, что удивительно – с сержантом подружился, артист. Рассказал, что он из лодки нырнул «от тоски» и водохранилище переплыл. А затем в Бородино направился. А там с ним якобы произошло «сражение».

«Переплыл я этот сраное Можайское море как не фига делать. А потом...

Бородинскую диораму посмотреть захотелось! Шевардинский редут и Багратионовы флеши, мать их за ногу! И я пошел как есть в плавках, босой.

Через час достиг поля и обозрел его в свете Луны. Подошел к музею. Закрыт, собака. Ну я немножко там покричал. Сторож-дед притащился, начал хамить. Потом, поняв мой бескорыстный научный интерес, и дверь открыл и диораму показал. Приволок пузырь. Сели мы прямо в диораме... Как Наполеон и Кутузов. И пузырь раздавили... Дед закосел, и меня повело, бядь, как на танцах. В пузыре жидкость была страшная, приводящая в изумление... Керосинили мы часа три, дед в милиции говорил, что я Денисом Давыдовым представлялся, декламировал «В дымном поле, на биваке, у пылающих огней...» и начал французов на диораме деревянной саблей крушить. Штрафанут наверно... Отпустили под честное слово, что из лагеря никуда... Мусора тоже не все звери. Отнеслись с пониманием».

Сегодня утром забил меня колотун. Тридцать девять и две! Отселили меня в карантинную палатку. Врачиха из Можайска приезжала. В пасть лазила, гланды смотрела. На язык нажала, я чуть не сблевал. Ангина. Полосканье, стрептомицин. Фрол спрашивал, позвонить ли отцу. Я сказал – не надо, отлежусь. Попросил Гошу мне бутылочку портвагена достать. Он к продавщице в сельмаге подкатился. Та отпустила. Вечером, когда все заснули, откупорил я бутылку, раскрошил в кружку две таблетки аспирина, залил портвеём, добавил маленько гошкиной водки, помешал и выпил. Вначале по телу судороги пошли, перед глазами ослиное копыто встало, потом полегчало. Встать захотелось и по верхушкам деревьев побегать. С сосны на сосну...

Но я бегать не стал, сел только на кровати. И вижу – не в палатке я, а в комнате какой-то странной, цветной. В оранжевой? Нет, скорее в бежевой. Или... В цвет портвейна... И валяются в этой комнате мешки и свертки разные. Здоровые, не в подъем, средние и совсем маленькие, с наперсток. А между свертками лежат всякие старинные предметы. Бочки, чемоданы, пишущая машинка, фотоаппарат. Карты с непонятными фигурами. Домино. Старый дырявый глобус, несколько больших увеличительных стекол в роговых оправках с изящными изогнутыми ручками, латунные аптекарские весы, сито... Всего не перечислишь... В руках у меня, сам не знаю откуда, фонарик. Что-то сказало во мне – встань и ищи. Я встал и искать начал. Фонариком свечу и ищу. Что ищу? Не знаю. Открыл

большой пыльный чемодан. Там старые игрушки, безрукие куклы, два ржавых вагона от детской железной дороги, губная гармошка, карандаши, будильник, открытки с тетками какими-то... Посмотрел, надоело. Раскрыл мешки. В некоторых зерно хранилось, а в других – вроде шерсть или лен, черт его знает. Какие-то мотки, шкурки, нитки, прялки... Пересыпал долго зерна из руки в руку, щупал шерсть... И все мне казалось, что не один я в той комнате, а много нас, одинаковых, и все мы что-то ищем. Схватил один такой длинный кусок шелка. А другой тот же кусок взял, только с другого конца. И давай они шелк каждый на себя тянуть. Тянут. Сопят, слюной брызжут. Присмотрелся я к ним – ба! Это Гусев и Лебедев, только одеты как-то странно, в кожаные пальто с поясами, в буденовках...

Жутко мне стало. Открыл я одну бочку, влез в нее и крышкой изнутри закрылся. Чтобы как в детстве – домик. На внутренней стенке – забавная картинка. Старуха гадкая в зеркало смотрится, а зеркало красоту показывает. Рядом лежит огромная лягушка, ноги расставила, а аист ей клювом прямо туда... Тут фонарик у меня погас.

Проснулся я в карантине и долго бочку искал. Очень уж на картинку посмотреть хотелось.

Би-Би меня навестила. Добрая. А Жу-Жу и Раскина даже не заглянули. А ведь мы год назад целых три недели с Жу-Жу женихались. В загс даже ходили, с родителями знакомились. И с Раскиной всякое было.

Би-Би мне груши принесла и ягоды из леса. Голубику. Жаловалась мне на Гусева и Лебедева.

«До сих пор от стыда красная. Сначала одно, потом другое. Вы, Джонни, наши туалеты знаете. Они и сами по себе – опасность для жизни. А тут еще и солдаты проклятые из части заглядывают. И всегда в женском отделении сидят. Там чище. Не стесняются даже. Забежала сегодня, хорошо штаны не успела стянуть – сидит солдат. Вышла, пошла в лесок. Ну да, в березовый. Отошла метров двести. И чудится мне – кто-то за мной идет. Сучья трещат где-то сзади... И смешок вроде слышала... несколько раз... Уж не солдат ли за мной увязался? Как только обернусь – все тихо. Дальше иду – треск и смешок. Бывает такое в лесу.

Извините за подробности, Джонни, села я. На ветку какую-то рукой оперлась. И вдруг – из-за березы две рожи высовываются. Ну, наши дураки – Гусев и Лебедев. Нагло так. Глазенки выкатили. Я схватила корягу какую-то и по мордам их хлестнула. Ушли. Я Фролу Андреевичу пожаловалась. Он, видимо, с ними поговорил. Подходят на съемке ко мне гаврики и заявляют – мы тебя не выслеживали, сами пописать пошли, глядим, – рядом с нами сидит кто-то. Мы и не поняли, кто, что...»

«Врут они, прекрасно они все разглядели. Надо на них Гошу, что ли, натравить. Он им кости переломает...»

«Гошу попросить можно, он мой земляк... Из Челябины, кажется... Ха-ха...»

«Почему вы засмеялись?»

«Вспомнилась школа. Читали мы на перемене «Челябинского рабочего» чтобы повеселиться. Там было так написано – в нашем районе растет поголовье скота из-за своевременного опоросения городских свиноматок, проводимого партийными органами...»

«Би-Би, а вы сны видите?»

«Так, чепуха какая-то снится. У меня на месте подсознания – палеонтология беспозвоночных. Бентос, нектон и планктон».

«Это можно есть?»

«Вы проголодались? Хотите, принесу что-нибудь? Миняев сегодня плов сготовил. Съедобно!»

«Спасибочки, вы лучше меня поцелуйте...»

«Меня в Тбилиси жених ждет...»

«Как же вы, восточная женщина, на Урале оказались, да еще и в Златоусте?»

«Как-как? Сослали туда деда с бабкой. И родители там остались».

«Подождет жених! А что это за фамилия Бибиканидзе?»

«Фамилия как фамилия. А вот как насчет Пичухина?»

«Белорусская фамилия. Была у меня прабабка Пичуха».

«И дед Пичух?»

Долго трепались. Потом Би-Би сказала, что поцелует меня, когда я выздоровею. И ушла. Милая. Интересно, она грузинка или армянка? Узкое лицо. Смуглая. Губы красивые. Ноздри – как у породистой лошади. Лоб большой. Начитанная.

Пальчики длинненькие. Колечко с агатом...

Вечером опять волжанка прикатила. Отец антибиотик прислал. Из кремлевки. Американский. Рондомицин. Позвонил таки Фрол. Перед сном принял капсулу.

Как рукой сняло ангину. И полоскать больше не надо.

На линейке Би-Би меня поцеловала. Жу-Жу посмотрела ревниво. Ткнула в бок Раскину и начала ей что-то в ухо шептать. Гусев и Лебедев переглянулись и захихикали.

После линейки я сжал кулаки и подошел к ним. Лебедев ковырял прыщи на носу. Гусев кусал ногти. Нашел в себе силы выговорить твердо: «Наблюдатели! Астрономы под юбкой! Говно вы прыщавое!»

Лебедев как будто обрадовался, усмехнулся. Прошипел: «Что, карлик, п.здюлей захотел? Отвесим, по полной программе, не сомневайся, заебышь!»

Гусев добавил: «Выстелим тебе могилку стекловатой, мангуст ты потрошенный!» Драку, однако, не начали.

Я стоял на месте, потный от бешенства. Гусев сорвал травинку и стал жевать. Лебедев показал мне, что хочет меня между ног лапнуть. Я отошел. Поперли на съемку.

За обедам они плеснули мне в лицо рассольник. При всех. Фрола с Ганимедом только за столом не было – уехали в Можай... Вместе плеснули. Обварили мне щеку, губы и руку. Я вскрикнул от боли. Лебедев прокудахтал издевательски: «Ах ты опаньки, лилипутик губки обжѐг!» Гусев только осклабился.

Я вытер лицо и штормовку полотенцем и вышел из столовки. К палатке пошел. Из столовки за моей спиной – не доносилось ни звука.

Гоша, как всегда, дрых. Ножик его лежал на тумбочке рядом с койкой. Я взял его, вынул длинное большое лезвие, и пошел обратно в столовку. Руки у меня вспотели, ноги похолодели, но на сердце было почему-то спокойно и радостно.

В голове качался маятник, а время встало, как секундная стрелка на сломавшихся часах. Не спеша шел я к столовке. Со стендов на меня смотрели пионеры-герои.

Валя Котик держал в крепкой руке противопехотную гранату и пулемет. Из

этого пулемета он только что убил немецкого офицера.

Зина Портнова, отравившая немцев в офицерской столовой, широко открыв базедовые глаза, хватала пистолет отвернувшегося эсэсовца. Сейчас она застрелит его. За это ей отрежут уши и выколнут глаза...

Леня Голиков, убивший 78 немцев, в том числе генерала-майора инженерных войск, которого он преследовал, догнал и застрелил, навел на меня автомат Шмайсер.

Галя Комлева застенчиво поправляла платок...

Передо мной был вход в столовую.

Я прочитал зачем-то по слогам лозунг, висевший над крыльцом столовки – ВО-СПИ-ТА-ЕМ ПО-КО-ЛЕ-НИЕ, БЕЗ-ЗА-ВЕТ-НО ПРЕ-ДА-ННОЕ ДЕ-ЛУ КОМ-МУН-ИЗ-МА!

Погадал, что бы это значило – ком мун из ма. Какой такой мун должен выйти из матери? Выйдет мун из теплого чрева и куда он пойдет? Муны ведь всегда сироты. Идти им некуда...

В столовке было все так же, как и до моего ухода. Немая сцена...

Гусев и Лебедев все скалились. Би-Би подняла по-кавказски руки с растопыренными пальцами вверх. Рот ее был открыт и как-то странно искривлен, как будто она им ловила бабочку. Жу-Жу опустила голову на грудь, вцепившись руками себе в бедра. Раскина так широко раскрыла глаза, что казалось – они сейчас выпадут и упадут в ее миску с супом. Лицо Миня выражало удивление. Казалось, он хочет сказать: «Вот это да!»

У остальных почему-то смазались лица. А тела стали полупрозрачными.

Я был легок и подвижен как птичка. Подошел к Гусеву. Широко размахнулся и ударил его ножом в бок, под ребра. Три раза. Удивительно легко проникала трофейная темная сталь в его тело. Лебедева я ударил в грудь. Чуть пониже кармана. Для справедливости – тоже три раза.

Потом положил нож на стол, сел на свое место, придвинул поудобнее миску, взял ложку, зачерпнул рассольник и поднес к губам. Сразу проглотить не смог, соленая жидкость нестерпимо пахла луком и несвежей говядиной. Когда все-таки проглотил, почувствовал, что маятник остановился, а время опять пошло.

Закрутилась секундная стрелка как пропеллер.

Страшный гвалт ударил в уши. Вокруг меня был хаос – все бегали, прыгали, кричали. Как взбесились. Би-Би бешено хлопала в ладоши. Жу-Жу вскочила на стол и плясала. Раскина запела голосом Марии Каллас арию Тоски... Миняй танцевал в присядку, держа в руках огромную кастрюлю с супом. Радист вскарабкался на потолок, и трясся как эпилептик.

Гусев и Лебедев в этой вакханалии не участвовали. Они все еще сидели за столом напротив меня. Лебедев прижал обе руки к сердцу, как святой. Гусов – держался правой рукой за бок.

Я посмотрел на них повелительно и спросил: «Я вас зарезал, почему вы не умираете?»

Они видимо услышали меня и медленно сползли со стульев на пол.

Линолеум разошелся под ними, как треснувший студень, и их тела ушли в землю.